

«Дневник» братьев Гонкуров полон размышлений об искусстве. Но при этом Гонкуры не оставили, в отличие от Золя, никакого специального трактата, который мог бы считаться их эстетическим манифестом. Как справедливо считает В.Шор, «Дневник» с успехом заменяет его [1, с. 24].

Эдмон Гонкур умер в 1896 году по его завещанию, составленному в соответствии с желанием Жюль, все состояние братьев предназначалось в фонд ежегодных премий в пять тысяч франков за лучшее художественное произведение в прозе. Премии должно было присуждать общество литераторов из десяти человек. В 1903 году Академия Гонкуров была создана.

Сегодня Гонкуровская премия – одна из высших литературных наград во Франции. Тем самым имя братьев Гонкуров в наши дни пережило сами их произведения. Гонкуровская премия как бы воплощает в себе признание лучших сторон художественной манеры писателей – глубину психологического анализа, мастерство живописного описания, выразительность стиля. Именно эти творческие особенности братьев Гонкуров и обогатила художественную традицию французской прозы второй половины XIX века.

Источники и литература:

1. Шор В. Братья Гонкуры и их «Дневник» / В. Шор // Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 1. – С. 3-32.
2. Венгерова З. А. Гонкуры / З. А. Венгерова // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона : т. 17. – СПб. : Тип. Эфрона, 1894. – С. 185-186.
3. Bannour W. Les bichons / W. Bannour // Magazine littéraire : Les frères Goncourt. – P., 1989. – № 269. – P. 34-35.
4. Punal R. Goncourt / R. Punal // Laffont-Bompiani. Dictionnaire encyclopédique de littérature française. – P. : Robert Laffont, 1999. – P. 416-417.
5. Roudot J. Le livre d'une maison / J. Roudot // Magazine littéraire : Les frères Goncourt. – P., 1989. – № 269. – P. 41-44.
6. Потапова З. М. Натурализм. Братья Гонкуры / З. М. Потапова // История французской литературы : в 4 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. III. – С. 106-132.
7. Гонкуры Э. и Ж. де. Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 2. – 751 с.
8. Лейбович С. Комментарии / С. Лейбович // Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 2. – С. 637-700.
9. Гонкуры Э. и Ж. де. Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 1. – 712 с.

Александрова О.Н.

УДК 821.14'04.09:398.2

ГЕОРГИЙ ГЕМИСТ ПЛИФОН И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье, на фоне развития национального вопроса в последние годы существования Византийского государства, рассматривается политическая, литературная и религиозная деятельность знаменитого византийского политического деятеля-реформатора, писателя и религиозного философа-утописта Георгия Гемиста Плифона, которого иногда называют Плетоном (греч. Γεώργιος Πλήθων Γεμιστός, лат. Georgius Gemistus Pletho, 1355-ок.1450).

Увлечение философией Платона (428-347 гг до н.э.) и пристальный интерес Георгия Гемиста к его социальной утопии привели не только к основанию им в Италии Платоновской Академии, но и к тому, что прозвище «Плифón» (т.е. платоник, философ, придерживающийся философской концепции неоплатонизма) стало частью его собственного имени: «Именно этот 83-летний старец, эмигрировав из Византии во Флоренцию и привезя туда свой архив, основал там на деньги банкиров Медичи «Платоновскую Академию», которую правильнее было бы назвать Плифоновской» [1].

Плифон жил в последние годы существования Византийской империи, принимал активное участие в разработке политических и религиозных реформ, которые должны были спасти государство от окончательного уничтожения. Под влиянием «Законов» Платона он пишет свой вариант социальной утопии – «Кодекс Законов» («Νόμον αυγραφή»), в котором (на материале философии платонизма, стоицизма, переосмысления традиций византийской и европейской философии и даже используя элементы зороастризма и ислама) настаивает на необходимости проведения экономических и политических реформ.

Целью статьи является рассмотрение влияния Плифона на развитие национального вопроса в Византийской империи, а также выяснение наиболее интересных политических и религиозных аспектов плифоновской утопии.

В наше время во всем мире наблюдается всплеск интереса к утопической литературе, что дает толчок к повсеместному изучению проблемы идеального государства. В этом и состоит **актуальность** статьи. В настоящее время в отечественном литературоведении прослеживается повышенное внимание к истории, литературе и философии Византии, что позволяет приступить к повсеместному изучению византийского наследия, так сильно повлиявшего на становление государственности и культуры не только Киевской Руси, но и Российской империи и даже Советского Союза.

Выяснение генетических связей современных утопических произведений с идеями философов и писателей прошлых эпох имеет важное значение для изучения греческой литературы. **Научная новизна**

заключается в том, что обобщающее исследование проблемы связей между творчеством Георгия Плифона и развитием национального вопроса в Византийской империи ранее не проводилось, специальных работ, посвященных данной проблеме, обнаружено не было.

Георгий Гемист Плифон был признанным интеллектуальным авторитетом как в православном, так и в католическом мире: «В ренессансной Италии к нему относились как к живому классику, и повсюду его сопровождали толпы поклонников. Философ изрекал перлы мудрости, которые немедленно за ним записывались; он купался в лучах своей славы и наслаждался всеобщим вниманием» [2].

Всю свою жизнь Плифон пытался путем реформ (как политических, так и религиозных) превратить агонизирующую Византию в идеальное государство и этим спасти ее от окончательного разрушения. Он обращается с проектами государственных реформ к императору Мистры Мануилу II (правил с 1391 по 1425) и к императору Иоанну VIII Палеологу (правил с 1425 по 1448), в качестве консультанта принимает участие в Ферраро-Флорентийском соборе, на котором решался вопрос о необходимости создания унии между Католической и Православной церквями.

Политические, экономические и религиозные изменения, по его мнению, были необходимы для спасения страны от захвата исламскими войсками.

В последние десятилетия своего существования Византийская империя утратила не только свое политическое влияние на международной арене, даже ее территория сократилась, торговля умирала, государственная казна была пуста.

Причины этого упадка накапливались веками. Первым толчком стал захват Константинополя во время четвертого Крестового похода и создания в 1204 году Латинской империи. Европейцы пятьдесят лет вывозили из страны ценности. Этот грабёж позволил Европе создать базу для международной банковской системы. Итальянские музеи до сих пор гордятся ювелирными изделиями и религиозными артефактами, вывезенными из византийской столицы. «Только драгоценной монеты было вывезено сотни тонн, и это притом, что годовой бюджет самых богатых стран Европы составлял тогда не более 2 тонн золота» [3]. От этого удара Византия так и не смогла полностью оправиться.

На фоне постоянно существовавшей мусульманской угрозы, финансовые дела государства были совершенно расстроены крайне невыгодным для византийцев международным торговым договором, известным под названием «Золотая булла»: «До поры до времени все были довольны: оживилась торговля, в городских лавках и магазинах появилось невиданное прежде изобилие европейских и азиатских товаров... Но все это не далось даром: за считанные десятилетия отечественное производство и сельское хозяйство деградировали стремительными темпами. Разорились или попали в зависимость от иностранцев все византийские предприниматели. Когда всерьез спохватились, оказалось уже поздно» [3].

Одной из причин ослабления Византийской империи нередко называют национальный вопрос.

Византия была многонациональным государством, истинной империей, в которой жили люди разных национальностей. Все они называли себя «ромеями» и использовали этот термин как аналог латинского слова «*romāni*», т.е. «римляне», считая, что только они являются истинными наследниками эллинской культуры Римской империи.

Интернационализм Византийской империи во многом подкреплялся единой для всех верой – Православием. Византийцы искренне верили в христианский постулат апостола Павла о новом человеке, живущем в Божественном духе, где нет «ни эллина, ни иудея, ни скифа».

Подобное отношение к национальному вопросу делало поистине равноправными всех граждан государства. Принадлежность к той или иной народности никогда не мешала занимать высокие государственные посты. Даже для того, чтобы стать императором, не обязательно нужно было быть греком. Императоров-армян было почти столько же, сколько и греков, были люди с сирийскими, арабскими, славянскими, германскими корнями. Например, прадедом императора Константина Багрянородного был скандинав, которого звали Ингер, дед его был рожден славянкой из Македонии от армянина, сам он женился на дочери армянина и гречанки, а сына женил на дочери итальянского короля. Один из последних в Византии патриархов Константинопольских Иосиф II был незаконным сыном болгарского короля и греческой аристократки.

Такова была официальная позиция византийского государства по национальному вопросу: любые народы оценивались только с позиции их полезности для империи. Константин Багрянородный (905-959) в своем наставлении сыну «Об управлении империей» писал: «о том, какой иноплеменный народ и в чем может быть полезен ромеям, а в чем вреден: [какой] и каким образом каждый из них и с каким иноплеменным народом может успешно воевать и может быть подчинен. ... Все это я продумал наедине с собой и решил сделать известным тебе, любимому сыну моему, чтобы ты знал особенности каждого из народов» [4, с. 37].

Национальная идея была заимствована византийцами у европейцев, строящих свои государства на принципе доминирования титульной нации. И национальное равновесие начало разрушаться тогда, когда Гемист Плифон в своей «Речи к императору Мануилу о положении Пелопоннеса» написал: «Мы, которыми Вы руководите и правите, являемся народом греков, как об этом свидетельствует наш язык и отцовское воспитание.» [5, с. 398], объявив, таким образом только греков истинными ромеями, гражданами Византии, переводя, таким образом, все другие народы империи в подчиненное положение по отношению к титульной нации.

Так Византия оттолкнула от себя потенциальных союзников – народы Балкан, которые могли, объединившись, помочь в противостоянии туркам.

Действительно, греческий патриотизм и мысль о возрождении старой эллинской культуры пронизывают труды Плифона, т.к. он считал население Пелопоннеса наиболее чистой, наиболее древней частью всего греческого народа, он пишет, что именно из пелопоннесцев «вышли самые знатные и знаменитые роды эллинов», совершившие «величайшие и славнейшие деяния».

Философ мечтает сохранить самобытность и духовную независимость греческого народа и предпринимает попытку реформировать греческое православие в духе эллинистического язычества, видя в возвращении к историческим корням, истории и культуре античности, единственную базу для самоидентификации византийского эллинизма.

Для этого при дворе деспота в Мистре в среде местной интеллигенции он собирает кружок единомышленников, ратовавших за воскрешение древнего эллинского духа, и разрабатывает новую философскую религиозную систему, на основе которой должны быть произведены экономические и политические реформы.

По сути, это была модель социальной утопии, настолько революционной и антихристианской, что ученик Плифона патриарх Схоларий, ознакомившийся с «Кодексом Законов» уже после смерти своего наставника, пришел в ужас и уничтожил трактат где-то между 1460 и 1465 гг. От труда Плифона остались незначительные отрывки, реконструкция его содержания возможна только по критическим отзывам современников философа.

В борьбе против турецкой агрессии писатель пытался разбудить в византийцах чувство патриотизма, поэтому он призывал к возвращению к античному язычеству, видя в этом преимущество поколений. В своей «Речи-совете к деспоту Феодору о Пелопоннесе» он вспоминает о героях древней Эллады: «Греки добились славы для своей общины во всем мире лишь тогда, когда Геракл, сын Амфитриона, освободив страну их от злодеяний, принес им законность и стремление к добродетели. Ибо до Геракла народ греков был мало известен, над ним господствовали данайцы и кадмейцы, чужеземцы из варварских стран» [5, с. 406].

На основе христианской теологии Георгий Гемист Плифон создает свой вариант Олимпийского Пантеона: место христианского бога в его религиозной системе занимает Зевс, именуемый высшим богом, и сохраняющий такую функцию христианского бога как бог-демиург, сотворивший этот мир, ответственный за структуру мироздания.

Все остальные боги-олимпийцы разделяют между собой различные теологические сущности: христианскому Логосу-Сыну соответствует Посейдон, идею материи и идею создания множественности в единстве осуществляет Гера, носителем идеи человеческой бессмертной души становится Плутон, человеческий разум оказывается под покровительством Гелиоса и т.п.

Плифон попытался строго регламентировать «табель о рангах» новых богов-олимпийцев: самым важным категориям христианства соответствует Зевс и его законные дети, менее важные категории разделяют между собой боги низшей мифологии и дети, рожденные вне союза с Герой.

При этом речь не идет о действительном восстановлении античного пантеона. Плифон просто использует имена богов-олимпийцев для удобства обозначения привычных философских религиозных категорий.

Деятельность тайной языческой секты Плифона в Мистре не имела широкого распространения, ее членами стали немногие интеллектуалы, разделявшие идеи своего учителя. Единственной религией, способной в тогдашних исторических условиях помочь византийскому народу, попавшему под власть Османских султанов сохранить национальную и культурную самоидентификацию, оставалось Православие.

Более того, прямое выступление против христианства было опасным в период, когда стоял вопрос о сохранении самой греческой народности, и, в какой-то мере, создав прецедент, Плифон морально облегчил для греков, оставшихся жить на обломках византийского государства под владычеством мусульман, переход в ислам.

Источники и литература:

1. Кеслер Я. А. Естественнонаучная история против политической историографии : [Электронный ресурс] / Я. А. Кеслер. – Режим доступа : http://royallib.ru/read/kesler_yaroslav/estestvennonauchnaya_istoriya_protiv_politicheskoy_istoriografii.html#0
2. Максимов Ю. Спор на руинах истории : [Электронный ресурс] / Ю. Максимов // Мониторинг СМИ. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/smi/36384.htm>
3. Архимандрит Тихон (Шевкунов). Дикторский текст литературного сценария фильма «Гибель империи. Византийский урок» : [Электронный ресурс] / Архимандрит Тихон (Шевкунов). – Режим доступа : <http://vizantia.info/docs/1.htm>
4. Багрянородный К. Об управлении империей / К. Багрянородный; пер. с греч., коммент.: Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – 2-е изд., испр. – М. : Наука, 1991. – 496 с. – (Древнейшие источники по истории народов СССР).
5. Георгий Гемист Плифон. Речи / Георгий Гемист Плифон; пер. с греч. В. Т. Горянова // Византийский вестник Российской Академии Наук. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 6. – С. 387-397.